УДК 32:1

СТАРОСТЕНКО А.М.

Философия современной политики

Политика государства всегда связана с управлением обществом. Содержательная составляющая этого процесса является специфичной для каждой страны. В свою очередь социально-политическое управление предполагает достижение эффективного развития в контексте эволюции общественного сознания, а также инициирование мотивации и способности государственных служащих работать в новых условиях.

Ключевые слова: «превращенные формы» деятельности, аберрация управленческого сознания, межпарадигмальный синтез, философская инноватика.

Ныне Российская Федерация как историческая преемница России всех периодов ее бытия реализует возможность «вписаться» в новый формат отношений и глобально-контекстуальных требований. Ситуация, в которой оказалось наше общество, во многом сродни той ситуации, которую во второй половине XIX в. пережили многие страны Запада. Эмиль Дюркгейм обозначил ее как смену механической солидарности, характеризовавшей общества сегментарного типа, где индивид поглощен группой, часть – целым, органической солидарностью обществ, основанных на разделении труда, где индивиды самостоятельны и группируются в соответствии со спецификой своей деятельности[1].

Современное человечество – общность нового типа: экономика большинства стран основана на мировом разделении труда, новых интеграционных связях; научно-технологическая революция достигла самых отдаленных уголков земного шара; сложились политические союзы и политические организации мирового значения (например, ООН); средства транспорта и связи создали информационное единство мира и сделали различные его части досягаемыми для значительной части населения. Наша жизнь стала бедна ясными, понятными каждому и разделяемыми большинством ориентирами, которые в XIX в. К. Маркс называл «превращенными формами», а М. Мамардашвили расшифровал их как особого рода детерминизмы – «превращенности действия». Сложилась тотально превращенная, замкнутая в себе реальность, своего рода социальный черный ящик, «просветление» которого остается весьма актуальной задачей.

К этому необходимо добавить достаточно большой ряд дисфункций в деятельности государств и их институтов власти, в частности: управленческая несбалансированность в функционировании ветвей власти, во взаимодействии государственных ведомств, частного сектора и гражданского общества, между властными и управленческими функциями; большой объем государственной коррупции и конфликты интересов между институтами и сферами государственного управления. Незаинтересованность государственной бюрократии в решении социальных проблем, постоянное «перекачивание» бюджета на внесоциальные нужды и направления не способствуют росту человеческого капитала. Неэффективность в регулировании межгосударственных отношений и непрекращающихся локальных, региональных конфликтов; инерционность в управлении инновационными межгосударственными связями – «узлы» проблемного поля, с одной стороны, политики и отставания интеллектуальных усилий в поиске нестандартных подходов и решений рационального и научного плана; с другой – отчуждение человека и самоотчуждение общества от идеи «развитие».

Существенное значение для понимания методологии и эвристического потенциала всестороннего анализа превращенных форм реальных содержательно-предметных социально-политических отношений в косвенные, достоверным образом демонстрирующие всеобщность, конкретность, абсолютность и т.д., имеют работы философов, социологов, правоведов (Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Г. Беккера, Э.А. Сазерленда, В.Б. Миллера, В.Н. Кудрявцева и т.д.), где глубоко осмыслена аберрация управленческого сознания, которая связана, на наш взгляд, с рядом обстоятельств, среди которых:

• подмена легитимных административно-управленческих требований, норм законодательства неформально-целесообразными отношениями, якобы «отвечающими» сложившейся политической, экономической, идеологической ситуации;

• отождествление управленческих предписаний с теми властными полномочиями и прерогативами, которыми наделен тот или иной представитель высшего эшелона государственно-политических структур и административно-управленческих органов, приводит к замещению нормативно-содержательной определенности формально-нормативной, допускающей наполнение легитимных административных директив дополнительным или произвольным содержанием.

В определенном смысле в сфере государственно-политических властных структур и административно-управленческих органов «сверху донизу» мы наблюдаем действия и поведение по «писанному» и «неписанному», введение негласных правил и рангово-бюрократических норм, допускающих публичные призывы к соблюдению законности и одновременно рекламно-страстное убеждение граждан в необходимости «снисхождения» при оценке деятельности субъектов управления (особенно в период избирательных кампаний)[2].

К сожалению, существенное продвижение в философском осмыслении конкретных проявлений вышеуказанных фактов и процессов «выливается» в основные парадигмы социально-политических исследований и парадигмальные комплексы, тяготеющие к той или иной версии фундаментальных или прикладных философских систем, на основе которых формируются базовые теории и концепции государственной власти, априори с пересекающимися и взаимодействующими концептами. Здесь следует вспомнить слова И. Канта: разум человеческий так склонен к «созиданию», что много раз возводит башню, а потом сносит ее, чтобы посмотреть, крепко ли лежит фундамент[3].

Механизмом межпарадигмального и междисциплинарного синтеза или корректировки «стыков» и «переходов», сквозных тем и методов разработки «кратической модели» и «матрицы политической власти» выступает *философская инноватика*, основанная на базовых принципах взаимодействия – соответствия (корреспондирования) и дополнительности (комплиментарности)[4], а также методологических ресурсах междисциплинарного уровня: системного, синергетического, структурного, математического, семиотического и др. Речь идет о преодолении противоположности целей и результатов деятельности людей, ответственных за результаты принимаемых государственных решений, о разнонаправленности общественно значимых и сугубо личных интересов и потребностей в контексте изменений объективной реальности.

По глубине мысли, философского осмысления действительного мира и неожиданной проективности заслуживают внимания размышления С.Н. Булгакова, наполненные трагичностью и «переломностью», характерные для социокультурной ситуации начала прошлого и настоящего столетия: «В мировой истории перевертывается новая страница, во всемирно-исторической трагедии открывается новый акт».[5] Человечество вступило в новое столетие в ситуации углубления кризиса традиционных форм мышления и действий при усиленно внедряемом отечественными и западными идеологами образе «процветания», блокирующем способность людей понять прошлое, овладеть настоящим и предвидеть последствия своей жизнедеятельности в будущем. «Трагизм нашей эпохи состоит в том, – пишет, например, А.А. Зиновьев, – что в качестве разумных мер преодоления зол современной общественной жизни навязываются такие, которые в реальном исполнении порождают новое зло и усиливают некоторые из прошлых зол, придавая им

лишь иные формы. Люди не имеют сил изменить общее направление эволюции общества. Все усилия имеют следствием ускорение движения в том же направлении»[6].

История России подтверждает справедливость сказанного. Крупные социальные сдвиги, происходившие в XIX и XX столетиях, сопровождались мировоззренческими кризисами, которые вызывали активизацию философской рефлексии над актуальными вопросами социальных общностей. Значительную часть из них составляли традиционно охранительные (например, славянофильство), а также инновационные проекты (западничество, анархизм, революционный демократизм, сегодня либеральная демократия). Социальные изменения рассматривались отечественными учеными в нескольких аспектах: соборности свободной ассоциации людей; преувеличения различий между западной и российской социокультурами; отрицания эволюционного или реформаторского путей преобразования общества. При этом народ чаще всего воспринимался как обладатель позитивных черт, а государство – носитель абсолютного зла. Видимо, поэтому большинство проектов строилось либо на тотальном отрицании существующих порядков, либо на идеализации пережитков социально-экономических и политических отношений. Это состояние фиксируется многими исследователями, среди которых А. Валицкий, Л. Люкс, И.К. Пантин и многие другие.[7]

Отличительными чертами работ русской философской мысли являются представления о гармонии социальных связей, объединенных с гармонизацией отношений между государством и обществом, личностью и обществом, между народами, и с убеждением, что создание эффективной политической системы способствует формированию социально ориентированных институтов, посредством которых человек способен идентифицировать себя как личность в институциональных рамках социума. Наиболее реалистичными подходами к проблеме гармонизирования отношений социальных групп в обществе являются идеи русских философов И.А. Ильина, К.Н. Леонтьева, Н.О. Лосского, П.И. Новгородцева, В.С. Соловьёва и др.

Несмотря на то, что критике общественных отношений в России со стороны философов были свойственны некоторые неточности, абстракции и утопизм, тем не менее в ней всегда присутствовал высокий общечеловеческий нравственный пафос, который выявлял глубинные дегуманизирующие процессы, порождённые капитализмом как типом общественных отношений и как одной из форм цивилизации, основанной на принципе индивидуалистической свободы интересов социальных групп.

Нельзя не признать правоту В.С. Соловьёва в том, что «господство частного интереса как цели труда приводит не к общему благу, а только к общему раздору и разрушению»[8], только сознательное стремление членов общества к общему благу, по его мнению, может преодолеть единичный интерес «экономического кулачества» и «свободного своекорыстия». Приоритетное положение «вещественного богатства» является внешним отражением вечной от Македонского, Наполеона и до Гитлера идеи мирового господства, подавления и эксплуатации, способной, с точки зрения учёного, превратить общество в плутократию. Рассуждая об этом с нравственной точки зрения, он утверждал, что «именно плутократия ... безнравственна и отвратительна как извращение общественного порядка, как превращение низшей и служебной по существу своему области, именно экономической, в высшую и господствующую, которой всё остальное должно служить средством и орудием...».[9]

Этот вывод В.С. Соловьёва реализуется в полной мере в социальной практике России: с одной стороны, обновлённая экономика не стремится стать приоритетным фактором формирования относительной гармонии социальных общностей и связей между ними; с другой стороны, противостояние элиты и «низшего эшелона» создает предпосылки развития конфликтогенной среды, которое сегодня идёт по пути индустриализма капиталистического толка, основанного на принципах государственно-частного партнёрства, чем значительно, как свидетельствует современный отечественный опыт, удлиняет себе прорыв в постиндустриальное пространство и мир новых технологий.

Парадокс заключается в том, что человеческая история вступает в фазу, в которой лимит развития через антагонизмы и борьбу интересов исчерпан. Эта ис-

черпанность предопределена глобальными проблемами, переходом на более высокий уровень межгосударственных взаимодействий и взаимосвязи человечества с окружающей средой. Мировой процесс в этих обстоятельствах, по В.С. Соловьёву, не может не носить позитивно-созидательного характера, и в то же самое время страх войны становится преобладающим мотивом внутренней и международной политики.[10] К примеру, позитивно-созидательная направленность развития социума, применительно к России, преподнесённая в форме «идеи Горбачёва–Яковлева» о примате «общечеловеческих ценностей», в реальности не сработала. Она способствовала созданию своеобразной атмосферы агрессивного захвата командных высот в идеологии и политике, развалу экономики и потере духовно-нравственной составляющей в социальных связях. Таким образом, позитивно-созидательная составляющая, которая должна была динамизировать процесс кардинального улучшения социально-экономической жизни россиян, интерпретируемая и воспринимаемая в прозападном, глобалистском ключе, создала предпосылки для «войны всех против всех» и формирования негативного социального потенциала (противоположные формы осознания смысла труда, методологии познания, понимания, общения и т.п.).

Материальная основа общества, модифицируемая в реальном укладе жизни россиян – в частной собственности как привилегии, «обеспеченной силой» её владельцев, не всегда опирающихся на нравственную составляющую и отвергающих любой экономический диссент, оправдывающих действия индивидуальным (или коллективным) интересом, – не является общественно значимым фактором во взаимодействии бизнес-элит с социальными институтами государства и гражданским обществом. Финансово-экономический кризис выявил основания незавершенности общественных преобразований, сопряженных с вероятной катастрофой общества. Это вполне может стать реальностью, если государство с помощью политики не сможет преодолеть хаотическое развитие общественной системы и не будет выработана более адекватная и эффективная модель социальных позитивно-созидательных взаимодействий.

Коренные преобразования, происшедшие в общественной жизни российского социума в последние два десятилетия, подчиняясь действию социальных закономерностей, превращаются в функцию общества и вновь подвергают разрушению создаваемую государственность. Это следствие влияния «ситуационной одномерности», в соответствии с которой первоначальные основы преобразований как идеал – «в кратчайшие сроки преодолеть застой и войти в цивилизацию» – на практике превращаются в антитезу. При этом возникающие различные сдержки и противоречия, обусловленные переходом России на инновационную экономику, нарушениями в ценностно-нормативной системе общества и снижением уровня благосостояния граждан, государственные лидеры и политическая элита связывают с глубиной проектируемых реформационных процессов и субъективно-психологическим отчуждением от них населения. Первое особенно характерно для становления субъектных функций богатого слоя граждан, с их действиями полного овладения (или «реставрации») «условиями человеческого существования» через внедрение в социально-экономические отношения России вненационального проекта мироустройства и исторически сложившихся ценностей западной цивилизации. Фактически это есть не что иное, как насаждение принципиально новых форм хозяйствования, нового социального поведения граждан, новой психологии личности и новой ментальности.

В «историческом», по мнению Н.А. Бердяева, раскрывается ноуменальная сущность бытия и духовная сущность самого человека. Это конкретная и цельная реальность особого рода, в которой человек является одновременно субъектом и объектом истории. Историческое, как сращённая во времени, целостная форма человеческого «Я», с одной стороны, становится не только универсальной в конкретной личности, но и индивидуальной; с другой стороны, не только индивидуальное «Я» находится в историческом, но и историческое находится в нём. Ученый, рассмотрев историческое за рамками традиционной системы социально-политических отношений в конкретной личности,

пришёл к заключению: «Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно, и нельзя выделить историю из человека». Поддерживая вывод Н.А. Бердяева, мы склонны полагать, что история как процесс, укоренённый в вечности, имеет свои законы, которые не поддаются всестороннему человеческому восприятию. Ментальное как некое сущностное основание личности имеет свою гносеологию, свои «чистые истоки», поэтому разрыв его с историческим – это предание забвению не только прошлого, но и будущего; это величайшая трансформация сознания и исторической памяти – потеря внутренне духовно преображённого и одухотворённого.

Конечно, России необходимо ещё раз попытаться войти в число цивилизованных народов «старого света», отказаться от своей этнической доминанты ради чужого суперэтноса и ради того, чтобы наши национальные ресурсы окончательно приобрели новых хозяев, превращенные в акции капиталов. Сегодня всем стало ясно, что современный собственник-частник не заботится о будущем Отечества. Если научно-технический проект не даёт коммерческих результатов, априори не разрабатываются показатели его экономической эффективности, не внедряются новые технологии в производство конкурентоспособных продуктов, субъект капитализации либо берёт кредиты в зарубежных банках, за которые, как правило, несёт ответственность государство, рассчитываясь бюджетными средствами; либо начинает серию нормативно-правовых, но разрушительных действий с целью избавления от собственности. К примеру, делая ставку на повышение добавленной стоимости за счет инновационного процесса, бизнес-элита нововведения относит к автономной самостоятельной деятельности, именно об этом свидетельствует низкая эффективность российских промышленных предприятий с компаниями по разработке и внедрению инноваций. Доля «новой экономики» в ВВП России составляет всего 3–7%, в развитых странах она достигает 50%. Для сравнения: на НИОКР в России расходуется 1% ВВП, в странах Европы – примерно 4%.[11]

Если принять в качестве рабочей гипотезы концепцию Р.К. Мертона[12], согласно которой в ходе рекламирования кардинальных социально-экономических и политических преобразований власть всегда высказывает намерение сохранить общечеловеческие компоненты нормативно-ценностной системы, решительно заменить при этом идеологические ингредиенты и обеспечить, таким образом, переход новых элементов нормативно-ценностных установок в ее новое качество, то процесс модернизации, наблюдаемый сегодня в России, подтверждает серьёзные просчёты «возвращения в цивилизацию» нашего Отечества, о чём свидетельствует ряд неопровержимых факторов.

Во-первых, глубочайший социально-экономический кризис, побивший абсолютный мировой рекорд по глубине спада промышленного производства в мирное время, не только положил конец дискуссиям, касающимся позитивных оценок одномерных учений («общество благоденствия», «социализм с человеческим лицом», «третий мир», «социальное государство» и т.д.), но и, по мнению министра Минэкономразвития РФ Э. Набибулиной, «показал исчерпанность модели роста российской экономики».

Во-вторых, утверждение «дикого», коррумпированного капитализма в России обусловлено недостаточно продуманными нормативно-правовыми мерами правительства, не подкреплено традиционными нравственными началами, «одухотворёнными ментальностью». К примеру, для оценки происходящих социально-экономических преобразований в регионах введены так называемые «синтетические подходы», которые якобы более объективно позволяют осуществлять демократизацию российского общества: сохранены некоторые структурные элементы отвергнутой социально-политической системы (неравноправие и асимметрия субъектов Федерации; функционируют областные Советы народных депутатов при наличии областных департаментов и министерств; создаются партийные ячейки «Единой России» в трудовых коллективах и в учебных заведениях; занятие руководящих должностей сопряжено с членством в «партии власти» и т.д.). Фактически государственное управление модернизацией в регионах заменено социальной темпоральнос-

тью капитала, обладающего явными признаками «снятия» и прерывания постепенности и т.п.

Вероятно, именно данная методология преобразований стала необходимой для либеральной власти при осуждении и отторжении ценностей и общественных установок советского периода жизни россиян; отрицании традиционной российской идентичности (философия всеединства и соборности) и замены её индивидуализмом и корпоративизмом; насаждении через средства массовой информации примитивных всевозможных шоу, якобы эффективно соединяющих элементы развлечений и национальных культур, способствующих адаптации населения к идее «ускоренного маятникообразного» государственно-частного управления социально-политическими и экономическими процессами по принципу «здесь и сейчас».

В-третьих, усиление бюрократии за счет соединения в ее руках государственной власти и собственности представляет собой, говоря словами Н.А. Бердяева, проявление не только антиномичности в деятельности государственных и общественных институтов на всех уровнях организации социального управления, но и неслыханного сервилизма верхов и покорности масс, лишения прав личности и полного отсутствия механизмов защиты ее достоинства.[13]

К великому сожалению, политика государства «по обстоятельствам» как норма преодоления вызовов времени противоречит диалектике функционирования и развития общества. «Функционирование» – всеобщий и многомерный феномен, который имеет место быть во всех сферах общественной жизни. «Развитие» – характеризует качественное состояние общества, его внутрисистемные изменения, средства, методы и механизмы легитимации социально-политических институтов, степень участия в этих процессах граждан. В стабильных условиях развития общества приоритет имеет функционирование, в кризисные периоды развитие преобладает над функционированием. По этому критерию оценивается идеология политики.

Модернизация России, связанное с нею ускорение темпов и ритмов социальной жизни, а также процессы мировой глобализации указывают на то, что функционирование и развитие – взаимопересекаемое движение двух общественно значимых и недостаточно согласуемых социальных явлений, которые, взаимопересекаясь, могут нанести непоправимый урон для России как развивающейся цивилизации. Однако элита диктат самоэкспансии политики в социальных трансформациях российского общества не стремится перевести в русло системы интерактивного управления.

---

[1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 379.

[2] Более подробно см.: Бакулов В.Д. Природа, сущность и генезис превращенных форм континуума духовно-практической деятельности// Бакулов В.Д., Перетятькин Г.Ф. Методология анализа метаморфоз социально-исторических процессов: Монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.

[3] См.: И. Кант. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. М., 1993. С. 9.

[4] Жуковский А.Г. Современные парадигмы политологического исследования. Ростов н/Дону, 2009.

[5] Булгаков С.Н. О даре свободы // Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск: Наука, 1991. С. 202.

[6] Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 24.

[7] См.: Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX–нач. XX в. // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 25–40; Люкс Л. Россия между Востоком и Западом. М., 1993. С.166; Пантин И.К. Ленин – большевизм – русская революция// Вопросы философии. 2005. № 4. С. 47.

[8] Соловьёв В.С. Оправдание добра: нравственная философия. М.: Республика, 1996. С. 304–306.

[9] См.: Там же. С. 302–304.

[10] См.: Там же. С. 339–340.

[11] В России сосредоточено примерно 12% ученых мира, а доля страны в объеме мирового инновационного рынка составляет 0,3%. Этот разрыв свидетельствует не об интеллектуальной слабости российских специалистов, а об отсутствии в России механизмов преобразования научной деятельности и технических решений в рыночные продукты, аналогичных механизмам развитых стран.

[12] Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социс. 1992. № 3. С. 105.

[13] См.: Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 11–21.